

Несмотря на то, что значительная часть источников использована автором в переводах, нельзя не отметить владение русским, японским, китайским, арабским, персидским и согдийскими языками, что дало Э. де ля Вессьеру возможность самостоятельно решать многочисленные вопросы, ответы на которые давало, в свою очередь, решение более масштабных задач. Терпеливое восхождение от малого к большому при рассмотрении такого масштабного исторического явления, как история согдийских купцов, а через нее – и история Великого Шелкового пути, скрупулезность в поиске и анализе всех относящихся к делу источников – одна из примечательных особенностей работы Э. де ля Вессьера. Автор проявил прекрасное знание историографии, в том числе и на русском языке, – к библиографии, не просто заявленной, а активно использованной, почти нечего добавить¹. Комплексный подход к рассмотрению определенного исторического явления с филологической, археологической, социологической точек зрения позволил Э. де ля Вессьеру по праву заключить: «Хронология, географический размах, экономическое и культурное значение согдийской торговли отныне известны лучше... Я прояснил контекст ее зарождения... Несмотря на имеющиеся лакуны, исходная гипотеза – существование этой исторической категории – масштабной торговли, осуществленной согдийскими купцами, мне кажется полностью подтвержденной» (с. 333–336). Сам же автор указывает и на перспективы такого рода исследований: «...история согдийских торговцев в том виде, в каком она проявляется в результате данного исследования, далека от завершения. Лакуны в документации оставляют многие сюжеты непроясненными, и зачастую я был вынужден пользоваться в большей степени примерами, чем доказательствами. И если согдийская торговля является историческим феноменом, ее корни точно остаются загадкой... Для заключительной стадии нет данных, свидетельствующих о судьбах торгового сословия в новом мусульманском обществе. Причины и возможность согдийской торговой эмиграции остаются большими загадками в истории согдийской торговли. Эти пробелы заставили меня говорить, скорее, о торговле и согдийских купцах, чем о торговых сетях, что было бы точнее» (с. 335). Высокий уровень работы Этьенна де ля Вессьера вселяет уверенность в то, что вопросы, не нашедшие в ней ответа, обретут свое решение в его следующих трудах.

М.Д. Бухарин

© 2004 г.

P. BRUN. L'orateur Démade. Essai d'histoire et d'historiographie (Ausonius publications. Scripta Antiqua. 3). Bordeaux, 2000. 199 p.

Рецензируемая книга представляет собой исследование, посвященное жизни и деятельности одного из видных политиков Афин второй половины IV в. до н.э. оратора Демада, современника и соперника таких известных политических деятелей, как Демосфен, Эсхин, Ликург, Фокион и Гиперид. Работа состоит из краткого «Предисловия», десяти глав основной части и «Заключения». В книге имеются список известных на сегодня декретов афинского народного собрания, предложенных Демадом, библиография и несколько указателей. Названия глав («Исследуя Демада: вопросы методологии»; «Проблемы источников и историографии»; «Его происхождение и деятельность до 338 г. до н.э.»; «Эпоха "Демадова мира", 338–336 гг. до н.э.»;

¹ В дискуссиях по вопросам исторической географии небесполезной была бы монография Л.А. Боровковой «Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э.» (М., 1989). К источникам и исследованиям по взаимодействию уйгуров и согдийцев в середине VII в. можно было бы добавить руническую Терхинскую надпись и посвященную ей статью: Кляшторный С.Г. Восточный Туркестан и каганы Одрубалыка. К интерпретации четырнадцатой строки Терхинской надписи // Тюркские и монгольские письменные памятники. Текстологические и культуроведческие аспекты исследования. М., 1992. С. 32–35. В этой надписи упоминается этноним «ягма», известный лишь по двум персидским географическим сочинениям («Худуд ал-алам» и «Зайн аль-ахбар»). Этим этнонимом среди прочих народов обозначались и согдийцы. Впрочем, вывод С.Г. Кляшторного не противоречит построениям Э. де ля Вессьера: подчинив в период около 756 г. тюркские племена Восточного Тянь-Шаня и поставив под контроль Карашар, уйгуры поддержали китайские гарнизоны в Куче и Бешбалыке против тибетцев и взяли под свой контроль все северные ветви Великого Шелкового пути с его богатейшими оазисными государствами.

«Восстание Фив и апогей Демада, 336–335 гг. до н.э.»; «Война Агиса (331 г. до н.э.) и пацифизм Демада»; «Почести Александру и Ламийская война, 324–322 гг. до н.э.»; «Подчинение Афин и смерть Демада, 322–319 гг. до н.э.»; «Первый на трибуне. Демад – демагог»; «Демад и коррупция») показывают, что в основе лежит хронологический принцип, только две последние главы – тематические. Заключение также имеет свой заголовок – «Кем был Демад?».

Данная книга – своеобразное отражение нового подхода к истории Афин последнего периода независимости, который можно назвать «реабилитирующим». Несколько лет тому назад появилось исследование¹, в котором предпринята достаточно удачная попытка² посмотреть на Эсхина не глазами Демосфена (как это еще и сейчас нередко делается), но более объективно и непредвзято. Многие ученые (и с серьезными основаниями к тому) рассматривали Деметрия Фалерского как тирана. Однако автор одной из недавних работ стремится полностью оправдать его. С. Траси в заключении к своей работе, посвященной деятельности Деметрия, определяет его как «талаитливого «переговорщика», компетентного законодателя и вполне уважаемого ученого и философа»³. Теперь аналогичная попытка сделана в отношении Демада⁴, которого обычно представляют как прекрасный пример неверного и вероломного политика. Книга вызвана явным желанием дать переоценку относящегося к Демаду материала, притом с позитивной точки зрения.

Проблема источников достаточно сложна. К сожалению, речи Демада до нас не дошли⁵. По свидетельствам «Суды», ему принадлежали, кроме речей, произнесенных в Афинах, и иные произведения⁶, которые также не сохранились; приписываемая ему речь «О двенадцати годах» представляет собой риторическое упражнение времени ранней Империи. Весьма малой ценностью для историка обладают как прекрасные примеры Демада (Δημάδεια) – сборник, существовавший уже в раннеэллинистическое время, о котором можно сейчас судить по многочисленным цитатам у авторов римского времени.

Вместе с тем свидетельства о Демаде и его деятельности присутствуют в произведениях его современников, а также авторов последующих времен. Автор исходит из следующей посылки: основное внимание уделять тем свидетельствам источников, которые современны описываемым событиям, при этом главную роль должны играть документальные материалы, т.е. надписи⁷. Более поздняя традиция (за исключением Диодора), представленная преимущественно Плутарховыми биографиями афинских политических деятелей того времени (Демосфена и Фокиона), основана на чрезвычайно тенденциозных источниках. К тому же сам Плутарх, морализаторские тенденции которого хорошо известны, еще более очернил Демада, чтобы на этом фоне более ярко и позитивно выглядели его излюбленные герои. Позицию Плутарха разделяют многие поздние авторы: Арриан (в пересказе Фотия), Авл Гелий, Павсаний, Элиан и другие вплоть до «Суды»⁸.

Эту традицию унаследовала и современная историография⁹. Не меньшее значение для деформации наших представлений о прошлом имеет и столь распространенное сейчас стремление

¹ Harris E.M. *Aeschines and Athenian Politics*. N.Y. – Oxf., 1995.

² См. нашу рецензию на эту книгу: ВДИ. 1997. № 4. С. 178–184.

³ Tracy S.V. *Demetrius of Phalerum: Who was He and Who was He not? // Demetrius of Phalerum. Text, Translation and Discussion / Ed. W.W. Fortenbaugh, E. Schütrumpf. New Brunswick-London. P. 331.*

⁴ Сходные представления о Демаде в последние годы стали проникать в научную литературу. См., например, Williams J.M. *Demades' Last Years, 323/2–319/8 B.C.: a «Revisionist» Interpretation* // *Ancient World*. 1989. 19. P. 19–30. Отчасти подобный подход свойствен Х. Хабихту, по словам которого, прежние исследователи «высыпали на голову Демада столько упреков, что не оставили на ней ни одного волоска» (*Хабихт Х.* Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С. 16–17).

⁵ Уже Цицерон сожалел об этом (*Brut.* 36).

⁶ S.v. Δημάδης: ἔγραψεν Ἀπολογισμὸν πρὸς Ὀλυμπιάδα [...] Ἱστορίαν περὶ Δήλου καὶ τῆς γενέσεως τῶν Ἀθηνοῦ πόλεων.

⁷ В значительной мере автор основывается на двух исследованиях: *De Falco V. Demade oratore. Testimonianze e frammenti*. Ed. 2. Napoli, 1954 (где собраны фрагменты из подлинных произведений оратора или те фрагменты, которые Де Фалько считает таковыми) и *Ὀικονομιάδης Α.Ν. Δημάδου τοῦ Ποσειδέως ψηφισματα καὶ ἐπιγραφικὰ περὶ τοῦ βίου* // *Platon*. 1956. 8. P. 105–129 (где собраны эпиграфические свидетельства относительно Демада, главным образом декреты, предложенные им).

⁸ Ценность этого источника состоит главным образом в том, что только здесь дан, хотя и в очень краткой форме, единственный биографический очерк Демада.

⁹ Особенно часто автор в этой связи упоминает Г. Глотца, в частности его фундаментальную работу: *Glötz G. Histoire grecque*. Т. III. *La Grèce au IVe siècle*. P., 1936.

к «актуализации прошлого». Впрочем, автор завершает свой экскурс в современные теоретические споры о роли истории словами о «букете банальностей» (хотя и со знаком вопроса) (с. 15). Не будем оспаривать это утверждение автора, тем более что к основному содержанию книги оно имеет довольно отдаленное отношение.

Демаду в этой традиции дана совершенно четкая и определенная характеристика. Он выходец из самых низов афинского общества, талантливый, но нигде не учившийся оратор. Своим политическим авторитетом он пользовался только для личного обогащения. Демад принадлежал к числу законченных циников. Вся его политическая деятельность была направлена во вред родному полису, он был явным и несомненным агентом Македонии, сначала Филиппа, затем – Александра и Антипатра, от которых получал огромные деньги. Его смерть от руки Антипатра – результат собственного вероломства Демада, который, будучи другом македонского наместника, интриговал против него, вступив в тайный союз с Пердиккой.

Опираясь на свой подход к источникам, автор строит свою концепцию политической биографии Демада¹⁰. Начинает она с происхождения и социального статуса Демада. Вопреки тому, что сообщается в поздних источниках, Демад не был homo novus в кругах афинских политиков. Он не происходил из бедной семьи, не начинал свою «трудовую биографию» как рабочий на верфи или гребец на триере. Вероятным представляется предположение о том, что «морские reminiscencies» в биографии будущего оратора связаны с его деятельностью судовладельца или навклера. Эпиграфические источники показывают, что еще его отец исполнял должность стратега, что, естественно, предполагает достаточно высокий статус и определенное состояние. Сам Демад (еще до расцвета его политической карьеры) выставил колесницу на Олимпийские игры, и она даже одержала победу. Вполне возможно, что Демад был даже дальним родственником Демосфена.

Хотя прямых свидетельств нет, но, несомненно, что свою политическую карьеру Демад начал еще до Херонеи, иначе нельзя понять то доверие, которое ему было оказано афинским народным собранием после битвы. Ничего не известно и о его позиции относительно войны с Македонией, но достоверно известно, что Демад участвовал в этом несчастном для афинян сражении и оказался в числе пленных. Точные обстоятельства начала переговоров с Филиппом не совсем ясны, но то, что во главе афинской делегации находился Демад, – не подлежит сомнению. Условия мира с Македонией для афинян оказались достаточно благоприятными, что высоко подняло престиж оратора. На последующие годы приходится пик его политической карьеры, и он, в частности, несколько лет заведовал военной казной.

Демад был среди тех афинских политиков, которые противились выступлению полиса на стороне Фив, поднявших восстание против власти Александра. Он же вел переговоры с Александром после поражения Фив. Демаду принадлежит заслуга в сохранении жизни нескольких политических деятелей антимакедонской направленности, выдачи которых требовал у афинян царь Македонии. Успех афинской делегации на этих переговорах еще более поднял престиж Демада среди его сограждан. Резкое выступление Демада против поддержки Спарты во время войны Агиса определялось, как и в случае с Фивами, не его промакедонскими настроениями, но трезвым учетом ситуации. С точки зрения Демада (как и ряда других политических деятелей Афин, включая Демосфена), это выступление было заранее обречено на поражение.

Проблема «золота Гарпала», с точки зрения автора, должна рассматриваться на широком фоне. Практически одновременно афиняне должны были решать еще два вопроса. Один из них – вопрос о культе Александра, введения которого царь потребовал от всех греческих полисов. Второй, еще более важный для Афин, был порожден указом Александра о возвращении изгнанников. Для афинян он означал отказ от острова Самос, на котором в это время, видимо, жило несколько тысяч афинских граждан¹¹. Ситуация осложнялась тем, что в окружении Александра было значительное число людей, поддерживавших требования самосцев. Другое осложняющее обстоятельство состояло в том, что Гарпал в числе нескольких вводящих лиц из окружения македонского царя еще раньше получил афинское гражданство, и никаких юридических оснований для отказа ему во въезде в город не было.

Демад, безусловно, оказался причастен к исчезновению части денег, помещенных на хранение на Акрополе. Правда, сумма, доставшаяся ему, не идет ни в какое сравнение с тем, что попало в руки Демосфена. Автор подчеркивает, что эту проблему необходимо рассматривать вне

¹⁰ Представляется вполне доказанным, что Демад родился в промежуток между 390 и 380 гг. до н.э. (*Vgin. L'orateur...* P. 11–12), т.е. примерно тогда же, когда родились Демосфен, Гиперид, Ликург.

¹¹ Эта цифра определяется на том основании, что Совет на острове состоял из 250 человек.

рамок «манихейского подхода», при котором все видится только в черно-белом цвете. В Афинах того времени считалось вполне допустимым, чтобы политики и военные имели некоторый «профит» от своих действий, если только они не шли во вред народу. Суровое наказание тех, кто расхищал деньги Гарпала, объяснялось двумя обстоятельствами: во-первых, величиной исчезнувших средств; во-вторых, желанием угодить Александру, показать, что афинский полис всерьез готов рассматривать его претензии (в частности, связанные с Гарпалом). Взамен афиняне рассчитывали на смягчение позиции царя в отношении Самоса. Вполне возможно, что в этот момент они своей цели добились, поскольку известно, что репатриация афинян с острова началась только через несколько лет после смерти Александра, уже в другой политической ситуации. Разница в степени наказания Демосфена и Демада зависела от нескольких причин, в частности от величины сумм, «прикарманенных» каждым из них. Кроме того, видимо, сыграло роль и то обстоятельство, что Демад, кажется, сознался еще на той стадии, когда дело рассматривал Ареопаг, а Демосфен довел дело до рассмотрения на заседании Народного собрания.

Возможно, перед Ламийской войной Демад призывал афинян к осторожности, хотя этот тезис нуждается в большей проверке, поскольку Демад не мог выступать перед Народным собранием, будучи лишенным гражданских прав по делу Гарпала. Если Демад действительно советовал подождать с выступлением, то он проявил настоящую государственную мудрость. Выступление Афин двумя годами позднее, когда началась уже настоящая схватка диадохов, дало бы городу много больше шансов на успех.

После окончательного разгрома афинян и их союзников Демад (которому срочно вернули полные гражданские права) снова был направлен в Македонию для переговоров. Крайне тяжелые условия мирного договора (вплоть до македонского гарнизона в Мунихии и изменения конституции) ряд античных авторов (и современных исследователей) объясняет предательством Демада, что, по мнению автора, не верно. Тяжелые условия – результат полного поражения Афин, сначала потерявших свой флот, а затем разгромленных и на суше. Превосходство сил македонян было настолько подавляющим, что они могли диктовать любые условия. Нельзя считать Демада и ответственным за смерть Демосфена и Гиперида. Решение было принято в Македонии, а декрет Народного собрания был составлен так, что давал им некоторые шансы бежать и тем избежать гибели.

Гибель Демада вместе с сыном в Македонии, куда он прибыл просить о выводе македонского гарнизона из Мунихии, была вызвана его тайными контактами с Пердиккой. Его гибель нельзя объяснять, как это предлагает Плутарх, «местью Справедливости за Демосфена» (Dem. XXXI), это – нормальная деятельность одного из руководителей государства, стремившегося использовать противоречия среди македонян для блага собственного полиса.

Подводя итог, П. Брюн утверждает, что Демад, в принципе, ничем не отличался от иных политиков Афин того времени. В своей деятельности он руководствовался интересами родного полиса и никогда не был платным агентом Македонии. Его откровенный аморализм, продажность и цинизм – результат сознательной фальсификации последующего поколения политических деятелей Афин. Впервые этот процесс начался в то время, когда у власти в Афинах находился Деметрий Фалерский. Нуждаясь в «оправдании историей» и стараясь доказать, что установленный македонянами режим, во главе которого он стоял, является прямым продолжением демократического строя предшествующего времени, он «поднял на щит» фигуру Фокиона – своего личного друга. Фокион, в действительности, был довольно второстепенной фигурой среди политических лидеров того времени. Для придания веса Деметрий приписал ему посты Демада и его достижения. Новый образ Фокиона был создан по модели Сократа: бедность, неподкупность, героическая гибель от рук неблагодарного демоса. Демад же становился естественной антитезой герою Деметрия. Позднее, когда Деметрий был вынужден бежать из Афин, он стал руководителем библиотеки в Александрии, где и продолжал, пользуясь благоприятнейшими условиями библиотеки, свою деятельность по прославлению Фокиона и очернению Демада.

Процесс политического мифотворчества продолжался и позднее. Особенно активные формы он принял после 287 г. до н.э. Среди политиков «первого ранга» в то время в Афинах был и племянник Демосфена Демохар, который весьма много сделал для возвеличивания своего дяди и сохранения памяти о нем, как о мученике демократии. Естественно, что демократическим руководителям того времени нужны были не только положительные, но и отрицательные примеры. Лучше всего на эту роль подходил Демад, который фактически руководил Афинами в то время, когда погиб Демосфен. Кроме того, нужно было и объяснение, почему погиб демократический режим. Наилучшим решением было найти такое объяснение, которое не затрагивало бы облик тогдашних руководителей демократии, не бросало бы тень на их политические решения и их моральный облик. Поэтому была изобретена концепция «удара в спину» демократии,

внутреннего предательства, которое уничтожило строй. Прекрасным подспорьем в этом послужили речи Демосфена, который имел склонность всех несогласных с предлагаемыми им решениями объявлять предателями и наемниками Филиппа или Александра. И в этом отношении фигура Демада очень подходила для роли человека, нанесшего удар в спину демократии.

В западной либеральной политической мысли и историографии эта схема укоренилась на несколько веков. Практически невозможно было подвергнуть критике Демосфена, воспринимавшегося как «чистое знамя» демократии, патриотизма и борьбы с тиранией. Свидетельство источника, выраженное в одной фразе, расчленилось на два: свидетельство о коррумпированности Демада воспринималось как аутентичное, а то же самое свидетельство относительно Демосфена категорически и возмущенно отвергалось. Хотя сейчас ситуация в историографии несколько изменилась, тем не менее все-таки традиции подобного подхода все еще весьма сильны и мешают понять историю афинской демократии в ее подлинной перспективе.

Что можно сказать об этой концепции? Прежде всего, она, как мне кажется, заслуживает внимания. Конечно, книга трудна для восприятия, поскольку автор поразительно многословен, возвращается постоянно к одним и тем же свидетельствам, которые считает аутентичными, и теми же словами характеризует недостоверность большинства свидетельств, приведенных Плутархом. Несомненно, как мы отмечали выше, автор не «первооткрыватель» Демада, уже и раньше в той или иной степени предпринимались попытки его «реабилитации». В этой же книге сделана попытка пересмотреть не отдельные частности, а весь ход событий под новым углом зрения и дать адекватную, с точки зрения автора, оценку каждого из эпизодов истории, в которых действовал Демад. Некоторые конкретные наблюдения заслуживают пристального внимания, например вызывающие сомнения в их достоверности утверждения поздних источников об участии Фокиона в переговорах, которые вел с Александром Демад, и т.п.

Главное достоинство работы состоит в том, что она заставляет думать. Автор еще раз показал, что даже в тех периодах истории Греции, которые кажутся наиболее изученными, остаются неисследованные или малоисследованные вопросы и возможно даже их кардинально новое прочтение. Я не хочу сказать, что книга полностью убедительна, но по крайней мере она убедила в том, что автор имеет право на такой подход. Демад как личность и как политический деятель не заслуживает столь односторонней оценки, которая почти полностью превалирует в историографии.

Вместе с тем есть несколько слабых пунктов в представленной нами концепции, на которые хотелось бы обратить внимание.

Первый из этих вопросов – создание традиции о Демаде. Все-таки автор не объяснил: почему и Деметрий Фалерский, и лидеры восстановленной демократии при всей противоположности их взглядов и оценок выбрали для поношения одного и того же человека? Может быть, в его деятельности и облике были некоторые «дефекты», которые именно его делали наиболее подходящей фигурой для превращения в отрицательный пример истории? Как, с нашей точки зрения, справедливо писал о Демаде Х. Хабихт, «его совесть открывала ему простор для действий более широкий, чем Ликургу или Гипериду позволяла их собственная»¹². В связи с этим необходимо также заметить, что автор так и не смог указать, кто же мог быть издателем *Ἠμιάδεα*.

Как мне представляется, трудно вообразить себе Деметрия Фалерского роющим в груде рукописей александрийской библиотеки и старательно вымарывающим с их страниц все положительные характеристики Демада и вставляющим уничтожительные. Не слишком ли смела такая картина?

Еще один недостаток работы – Демад предстает совершенно изолированной фигурой. Хорошо известно, что видные политические деятели Афин того времени выступали в роли лидеров небольших или достаточно значительных групп, объединенных неформальными связями, взаимной поддержкой на заседаниях Народного собрания, в судах и т.п. Конечно, здесь речь не может идти о партиях, но существование таких групп несомненно. О них лучше всего сказал Демосфен: «И если прежде вы делали взносы по симмориям, то теперь ведете общественные дела (πολιτεύεσθε) по симмориям. Оратор является предводителем (ἡγεμὸν), и полководец у него в подчинении, и еще триста человек, готовых кричать ему в лад, вы же, все остальные, распределены кто к одним, кто к другим» (Dem. XIII. 20). Автор же даже не попытался поставить (не то что ответить) вопрос о непосредственном окружении Демада, о людях, с которыми он был связан и которые его поддерживали. Между тем, этот вопрос далеко не маловажный.

С ним связан еще один, не менее существенный вопрос. Автор ограничивается указанием на то, что Демад, как и другие политические деятели того времени, был патриотом Афин.

¹² Хабихт. Афины... С. 16.

Но в таком случае совершенно непонятны причины их резких расхождений в оценке тех или иных событий внутренней и внешней политики Афин. Неужели дело объяснялось только разницей в интеллекте или в темпераменте? Дело, как мне кажется, заключалось в том, что хотя каждый из лидеров (и его группа) действительно был патриотом¹³ Афин и думал о благополучии полиса, но это благополучие и методы достижения его все они воспринимали сквозь призму собственных представлений, продиктованных рядом обстоятельств: происхождением и семейными связями, уровнем образованности и информированности, основным источником благосостояния, личными амбициями и т.д. Именно эти обстоятельства и приводили к различиям в политических позициях и действиях¹⁴. К сожалению, этот вопрос тоже даже не ставится в книге.

Подводя окончательный итог, видимо, можно сказать, что, несмотря на отмеченные недостатки, книга вызывает несомненный интерес. Она идет в русле нового подхода в изучении деятельности афинских политиков второй половины IV в. до н.э., который наметился в последнее время.

Л.П. Маринович

---

¹³ См. справедливые соображения о полисном патриотизме, высказанные Э.Д. Фроловым по поводу Алкивиада (Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики. Общество. Личность. Власть. СПб., 2001. С. 81–82. Прим. 8).

¹⁴ Подробнее см. Маринович Л.П. Греки и Александр Македонский. К проблеме кризиса полиса. М., 1993. С. 56 сл.